
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ЭМОТИВНОСТИ В ЭМОТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ УСТАНОВКАХ УЧАСТНИКОВ РОМАНТИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

Т.Г. Ренц

Кафедра лингвистики
Волжский гуманитарный институт ФГАОУ ВПО
Волгоградский государственный университет
ул. 40 лет Победы, 11, г. Волжский, Россия, 404133

В статье раскрываются проблемы функционирования категории эмотивности в романтическом общении. Анализируются языковые и неязыковые средства, репрезентирующие эмотивность в эмотивно-прагматических установках адресанта — одного из участников романтического взаимодействия. Значительное внимание уделяется рассмотрению эксплицитных и имплицитных способов выражения исследуемой категории. Доказывается, что эмотивными и эмоциогенными в романтическом общении можно считать не только вербальные и невербальные средства, но и коммуникативные ситуации. Обосновывается мысль о том, что эмоции коммуникантов реализуются комплексно, а эксплицитная или имплицитная апелляция к эмоциям является мотивирующим фактором воздействия на партнера.

Ключевые слова: эмотивность, романтический дискурс, эмотивно-прагматическая установка, эмотив, эксплицитность, имплицитность, невербальная коммуникация.

Проблема репрезентации эмоций в языке является тем исследовательским фокусом, в котором перекрещивается целый ряд парадигм современной лингвистики: когнитивная, коммуникативная, прагматическая, категоризационная, культурологическая и др. Тезис о существенной роли эмоционального фактора в коммуникации и об обязательном наличии эмоциональных проявлений в любом виде общения сегодня не подвергается сомнению. Однако разные типы общения различаются по степени проявления и типам эмоций, по характеру их реализации в коммуникативном поведении участников взаимодействия, что продолжает вызывать повышенный исследовательский интерес и дает возможность для разработки новых направлений.

Наш интерес лежит в традиционной сфере изучения реализации эмоций участниками межличностного взаимодействия, а именно, романтического общения [Ренц, 2011]. Интерес к этому типу коммуникации обусловлен тем, что эмоциональность составляет конститутивное качество взаимодействия партнеров романтических ситуаций. При этом манифестируемые эмоции здесь являются принципиально положительными, поэтому форма общения в романтических ситуациях всегда эмоционально экологичная.

В данной статье решается локальная задача изучения особенностей функционирования категории эмотивности в романтическом дискурсе посредством анализа коммуникативного поведения одного из носителей эмоциональных состояний — адресанта — как «источника» эмотивной информации.

Метаязыковое сознание закрепило представление о романтическом дискурсе как интимно-личностном общении, в основе которого лежит эмоция *любви*, отно-

сящаяся к главным человеческим эмоциям [Мягкова, 2000; Шаховский, 2008; Ekman, Friesen, 2003 и др.]. В романтическом общении эмоции превалируют над рассудком:

...И нежная улыбка пробежала
Красавицы на пламенных устах
И вот она с томлением в глазах
К любезному в объятия упала...
«Будь счастлива!» — Эрот ей прошептал,
Рассудок что ж? **Рассудок уж молчал**
(А.С. Пушкин. Рассудок и любовь).

Любая интеракция в романтическом общении представляет собой эмоциональную адаптацию к своему речевому партнеру и к конкретной коммуникативной ситуации, в которой задействованы эмоции коммуникантов. Сказанное подтверждает мысль Т. ван Дейка о том, что эмоции скоротечны, личностны, контекстуальны и имеют физиологическое основание [van Dijk, 2005]. Высокая степень эмоциональности данного типа общения, где каждая ситуация имеет свой эмоциональный профиль, является доминантной чертой данного типа межличностного общения.

Наше исследование показывает, что на различных этапах романтического общения коммуникантами продуцируются дискурсы различной функциональной направленности, изучение которых требует обращения к эмотивно-прагматическим моделям. Взяв за основу когнитивную модель О.Е. Филимоновой [2001], мы дополнили и трансформировали ее в эмотивно-прагматическую модель: $S(\text{feel}) \rightarrow \text{Emo}(n) \rightarrow \text{Aim}(n) \rightarrow D(V/NV) \rightarrow O(R)$, где S — субъект (адресант), испытывающий эмоциональное состояние; (feel) — указание на наличие у субъекта определенного эмоционального состояния; n — возможное число эмоций/состояний, целей (больше, чем единица); Aim — прагматическая цель высказывания, установка; D — дискурс субъекта, реализуемый вербальными (V) и невербальными (NV) знаками, O — объект (адресат), воспринимает, интерпретирует, оценивает и осуществляет рефлексивность (R) на эмоциональное состояние S .

Данная модель позволяет трактовать эмотивность как свойство вербальных и невербальных средств выражать эмоционально-психологические состояния субъектов общения с помощью эмотивов, являющихся главным экспонентом этой категории.

Сказанное выше коррелирует с утверждением Т.Г. Винокур о том, что «прагматика оперирует моделями. Это модели устного, преимущественно диалогического, речевого общения. Постулаты, максимы, стратегии и другие закономерности такого общения строятся на интенциях и реакциях участников речевого акта безотносительно к их социальным характеристикам, показывающим тип, образчик языкового владения в процессе коммуникативно значимого употребления» [Винокур, 2007, с. 22].

Использование эмотивно-прагматической модели дает возможность выявить прагматику эмотивных высказываний, определить спектр языковых и неязыковых средств их реализации в коммуникативных ситуациях, а также осуществить аде-

кватный анализ коммуникативных установок субъектов общения. Исследование эмотивного аспекта текста в работах О.Е. Филимоновой доказывает правомерность изучения категории эмотивности через ситуативные прагматические установки антропоцентров [Филимонова, 2001].

Данный вывод справедлив и для устной коммуникации: некоторые из выделяемых автором прагматических установок характерны для романтического дискурса. Так, к установкам адресанта в этом типе межличностного взаимодействия можно отнести следующие 1) проинформировать о своих чувствах, 2) проанализировать свои чувства, 3) поделиться своими чувствами, 4) излить свои чувства.

В исследуемом типе дискурса они реализуются на всех его этапах, причем выбор эмотивных средств определяется не только целью, но и условиями общения, статусом коммуникантов, способом общения и т.д., а также, что немаловажно, индивидуальными характеристиками коммуникативной диады.

Вектор установки *проинформировать о своих чувствах* направлен на адресата, хотя носителем эмоций является адресант. Данная установка реализуется как в эксплицитной, так и в имплицитной форме, накладывая отпечаток на характер взаимодействия собеседников.

Необходимо подчеркнуть, что информирующие эмотивные блоки, как правило, невелики по объему, эмотивная плотность потока эмотивов незначительна, в них практически нет личного комментария, а вектор эмоционального потока направлен от говорящего к слушающему. Исключение составляют лишь некоторые указания на причину эмоционального состояния или на обстоятельства, вызвавшие дискурс говорящего. С этой целью адресант может использовать, например, маркеры информирования типа: *I want you to know... / I think you should know... / You seem to know about my feelings... / You look to want to understand my feeling... etc.* Следует отметить, что модальность информирующих высказываний — это преимущественно субъективная модальность уверенности в своих чувствах: *I want you to know how much I love you, Sarah; Darling darling, I feel that I am the luckiest man on earth and I want you to know that I know I am; I think you should know about my feelings.* При этом, по замечанию С.В. Ионовой, «для выражения эмоции, как правило, используются конструкции, обороты речи, лексика, наиболее привычные и естественные для данной языковой личности» [Ионова, 2009, с. 239].

Имплицитность высказываний с установкой *проинформировать о своих чувствах* подтверждается примерами с использованием различных ритуализованных, этикетных и клишированных речевых актов, например обращений, которые в косвенной форме «информируют» адресата об уровне отношений между интерактантами. Так, общепринятые формы типа *Miss Brown, Mr. Clark, Rupert, Fenella* и др. широко применяются коммуникантами на начальных этапах общения, то есть на формальном уровне (при знакомстве). Такого рода обращения употребляются для осуществления социальной регуляции, подчеркивая официальный/полуофициальный характер общения, то есть, демонстрируя уважение к собеседнику через реализацию принципа Вежливости: *“Daniel. Daniel Clark.” “I’m Liz Paulson.” “I’m*

pleased to meet you, Miss Paulson.” “*Pleased to meet you too, Mr. Clark.*” Ритуализированные формы «сообщают» собеседнику об официальном характере отношений, об определенной дистанции между потенциальными партнерами, что необходимо для реализации организующей и коммуникативной стратегий поведения, обеспечивающих речевое взаимодействие.

Изменение психологической дистанции, которое находит свое выражение в сближении коммуникантов, несомненно, экстраполируется на обращения, используемые на дальнейших этапах общения. Употребление уменьшительно-ласкательных имен, обращений со стереотипными определениями типа *little, dear, darling* и др., имплицитно «сообщают» собеседнику об изменении эмоционального градуса в их отношениях. Экспрессивные формы обращений транслируют эмоции нежности, симпатии, радости, посредством которых достигается цель установления доверительного стиля общения: “*Oh, my angel, I’m sorry.*” “*Charlie, darling, where are you?*” “*Sweetheart, it’s all right.*”

Разнообразные в семантическом плане экспрессивные формы обращения (*my angel, darling, sweetheart*) информируют собеседника о том, что отношения между ними приобретают новое качество, выступают стимулами аналогичных реакций со стороны партнера. Здесь возникает ассоциация с анализом экспрессивных форм личных имен в дискурсе, проведенным А. Вежицкой по формуле «я хочу говорить так, как говорят с ...» [Вежицкая, 1996, с. 118—132].

В качестве основного фактора в эмоциональной окраске имени выделяется интенция отправителя сообщения. Эмотивное состояние зарождающейся нежности не называется эксплицитно, но легко угадывается благодаря используемым обращениям. Ласкательные формы в указанных примерах могут свидетельствовать, кроме всего прочего, о взаимной симпатии и привязанности друг к другу. Поскольку внешнее словесное оформление высказывания обладает интерактивной природой [Сидоров, 2009, с. 32], адресату не составляет труда сразу не только правильно «считывать» эмотивное отношение партнера, но и соответствующим образом реагировать на высказывание. Исследование показывает, что в большинстве случаев эмоционально-оценочная коммуникация не является односторонней, напротив, она эмотиогенна.

В «информировании» адресата об эмоциональном состоянии адресанта используются не только вербальные, но и невербальные средства, при помощи которых значительно увеличивается эмотивная плотность сообщения. Плотность эмотивов достигается в том числе широким использованием разнообразных невербальных знаков — гаптических, паралингвистических, окулесических и др. невербальных компонентов, которые передают эмоции восхищения, восторга, нежности.

Эксплицитные способы такого информирования собеседника о своих чувствах можно проиллюстрировать следующими примерами: “*I’m soooo happy,*” *smiled Octavia.* “*I’m about to walk into the lion’s den, without my guardian angel!*” “*Darling, how lovely! I am so glad you are here,*” *cried Emerald.* В высказываниях, транслирующих чувства и эмоции, в дополнение к эмотивам *darling, how lovely; happy;*

glad используются усилительные частицы и невербальные средства. Заметим, если в коммуникативной ситуации репрезентирован адресат (*you*), то прагматическая установка изменяется, становясь констатирующей: “*You are frightened,*” *he said, feeling a slight tremor in her hands.*

В синтаксическом плане рассматриваемая установка реализуется, как правило, эллиптическими предложениями вследствие высокой эмоциональности участников романтического взаимодействия. Вместе с тем, синтаксическая неполнота высказываний не ведет к их смысловой недостаточности. Значение пропущенных членов или частей предложения восполняется за счет таких факторов, как ситуация, контекст, устойчивые фразеологические связи не выраженных словесно компонентов с наличествующими членами предложения и т.д.

Иными словами, обстановка, общий жизненный опыт собеседников, невербальные знаки (мимика, жесты и др.) восполняют пропуск какой-то части высказывания. Использование в высказывании эллиптических структур доказывает наличие значимых корреляционных связей между психологическим состоянием человека и синтаксическим строем речи: «*Я всегда был влюблен в тебя*», — *сказал он тихо.* «*Всегда?*» «*Со школы*», — *добавил Никита, беря ее за руку.* «*Разве ты не замечала? Помнишь открытку на восьмое марта? Нет?*»

Прагматическая цель данной коммуникативной ситуации определяется presuppositionами адресанта и адресата и включает установку на информирование слушающего о чувствах говорящего. Эмоция любви в дискурсе адресанта вербализуется в речи словами *Я всегда был влюблен в тебя*, дополняемыми невербальными знаками различной природы, представленном в авторском комментарии фразами *сказал тихо, беря ее за руку.*

Таким образом, установка *проинформировать о своих чувствах* ориентирована на собеседника, а ее суть заключается в том, чтобы сообщить адресату о переживаемых чувствах и эмоциях. Для этих целей коммуникантами используются и вербальные, и невербальные знаки.

Следующая установка говорящего — *проанализировать свои чувства* — предполагает направленность «на себя», на собственное психо-эмоциональное состояние и подразумевает уточнение своих мыслей, комментарии, прогнозирование собственных чувств по отношению к партнеру. Используемая эмотивно-прагматическая модель редуцируется в данном случае до уровня S (feel) Emo(n) → Aim(n). Проанализировать свои чувства, на наш взгляд, значит дать себе отчет в собственном переживании, понять необходимость присутствия конкретного человека в ближайшем окружении, сформировать установку на дальнейший стиль общения:

“But I am lonely,” she admitted to herself. “I love my work, and I want to help, but it doesn’t satisfy me any more. I wonder what Professor would think if he knew that my thoughts aren’t here in the laboratory half the time, but out in the fields with Chad. If only he knew how I love him! If only I could have gone with him!”

В представленном фрагменте один из романтических партнеров с помощью экспрессивного восклицания *If only he knew how I love him* «анализирует», «озву-

чивает» собственные чувства. Кроме эмоции любви, девушка испытывает чувство одиночества, вызванное отсутствием любимого человека в данный момент времени, которое эксплицируется в речи эмфатической фразой *I am lonely*, отражающей семантику тоски.

Анализ собственных чувств и переживаемых эмоций можно проиллюстрировать также следующим аффективно-чувственным комплексом:

“How could I have been so stupid?” he asked himself aloud. “How could I be so stupid as to fall in love with a woman who is playing me for a fool against my brother? So stupid! So stupid! She doesn’t love me. She doesn’t care about me.”

Следует обратить внимание на специфичность реализации эмоций в данном высказывании: говорящий выражает не одну изолированную эмоцию, а целый комплекс (раздражение, сожаление, гнев, ревность), в котором эксплицируется его Я-состояние. Эмотивная плотность аффективно-чувственного комплекса достаточно высока, а его вектор направлен на «самого себя». Сказанное подтверждает мысль В.И. Шаховского о том, что эмоции выступают в комплексах, при этом одна эмоция вызывает другую [Шаховский, 2008], что, несомненно, отражается в речи. Контекст рассматриваемой ситуации показывает, что стимулом внутренней речи здесь является ревность, вызванная некоторыми поступками собеседницы, а реакция — «ответ» партнера на провокационный стимул представлен в виде адресованного себе высказывания с эмфатическими интенсификаторами. Ревность выступает эмоциональной доминантой в речи субъекта и порождает целый комплекс эмоций. Ситуацию, в которой реализуется данный эмотивный комплекс, можно считать коммуникативным эмотивом.

Одним из способов увеличения эмотивной силы высказывания, как известно, является использование форм интенсивности, которая, по мнению И.И. Туранского, достигается двумя средствами — качеством и количеством [Туранский, 1990]. В приведенном примере мы наблюдаем повторение синтаксических конструкций и отдельных слов, эксплицирующих эмоции раздражения, ярости, гнева (*How could I have been so stupid; stupid*). Несмотря на то, что эмотивный повтор, по мнению В.Г. Гака (1996), достаточно редкое явление, лексический повтор *so stupid*, будучи противопоставленным глагольной номинации любви *to fall in love*, увеличивает эмотивную силу высказывания.

Ментальную процедуру анализа собственных чувств при реализации эмотивно-прагматической установки *проанализировать свои чувства* подтверждают глаголы мышления (*I know for sure I love him, I think it’s love, etc.*), риторические вопросы (*How did I ever live without him?*), ментальная процедура оценки своих эмоций (*What could be happier than...*), утверждения (*That can not happen to me*) и т.д., используемые адресантом с целью разобраться в собственных чувствах по отношению к адресату. Иными словами, процессу анализа могут подвергаться разнообразные чувства и эмоции адресанта, для чего последний использует широкий спектр специальных языковых средств.

Рассмотрим эмотивно-прагматические установки адресанта *излить свои чувства и поделиться своими чувствами* с целью определить совокупность языковых

и неязыковых эмотивных средств их реализации в исследуемом дискурсе. Между этими коммуникативными установками, подразумевающими, что эмоции переполняют человека, наблюдаются определенные различия в плане реализующих их языковых средств. Анализ словарных статей показывает, что *поделиться своими чувствами* — значит сообщить, «рассказать что-нибудь кому-нибудь дружески, взаимно обмениваться чем-нибудь» [ТСРЯ, 1993, с. 160], а *излить чувства* — означает «откровенно высказать, выразить, обнаружить перед кем-нибудь; дать исход какому-нибудь напряженному, сильному чувству» [ТСРЯУ, www].

Фактологический материал показывает, что романтические партнеры *делятся чувствами* либо с объектом, вызывающим эмоциональное состояние, либо с третьими лицами, в то время как *изливают чувства*, когда они переполняют человека, коммуниканты непосредственно объекту, вызвавшему переживаемые эмоции. Иначе говоря, основным разграничивающим критерием данных установок является обращенность эмоции либо на адресата, либо на третье лицо. Экспликация эмоций по отношению к адресату, вызвавшему эмоциональное состояние, бывает, как правило, ярко выраженной, переживание более эмоциональным, интенсивным, чем по отношению к третьему лицу.

Одним из критериев дифференциации указанных выше установок наряду с критерием адресованности может быть плотность и интенсивность эмотивов в процессе эксплицитного выражения эмоций коммуникантами. *Изливая* чувства, говорящий «раскрывает» свое повышенное эмоциональное состояние, что, несомненно, отражается в семантике используемых языковых средств и их количественной насыщенности. Эмотивы — междометия, гиперболизированные сравнения, интенсивы и проч., значительно увеличивают эмотивную силу высказываний говорящего. Проиллюстрируем для начала реализацию установки *поделиться своими чувствами*:

“I asked her to marry me,” he repeated his statement for one and all. “And she said yes.” He couldn’t hold back the happy grin that seemed to be a new and permanent fixture on his face.

“She’s a lovely girl, Joshua, but isn’t this a bit sudden?” <...> “No, Mother,” Joshua said solemnly, using the term so rarely used in relation to Helene. <...> “I love her. And I need her like I need my next breath. I am so glad, so very glad I met her.”

В рассматриваемом фрагменте молодой человек *делится* своими чувствами к девушке со своей матерью, сообщает ей о решении жениться. Доминантной эмоцией вербальной деятельности адресанта выступает эмоция любви, которая репрезентируется в целенаправленно актуализированных языковых единицах: *I love her. And I need her like I need my next breath*. Производными комплексной эмоции любви являются эмоции счастья (*the happy grin*) и радости (*I am so glad, so very glad I met her*). Обращают на себя внимание фразы, свидетельствующие о сильном чувстве: в первом предложении это глагольная номинация *love*, а второе предложение усиливает эмоциональность первого за счет повтора модального глагола *need*, а также экспрессивно-оценочного и образного сравнения *my next breath*, которое в данном контексте приобретает эмотивное значение. Невербальные знаки

(*the happy grin, said solemnly*) интенсифицируют высказывания, придавая им дополнительную экспрессию, свидетельствующую о повышенном эмоциональном состоянии говорящего даже в момент отсутствия источника испытываемой эмоции. Проиллюстрируем сказанное:

“I know this isn’t a crush,” answered Charlie, thoughtfully, “because then, he wasn’t real. I only had girlish fantasies about who Wallace Shipley was — but I didn’t KNOW him. I do now. My love for him is based upon knowledge and understanding. I only thought I knew and understood him better than this.” “What do you love about him?” <...> “I love his gentleness and thoughtfulness,” she answered. “He doesn’t get angry easily; I love the fact that, even though he’s color blind, he still enjoys flowers; I love the way he never gives up fighting when he knows he’s in the right; I love his sense of beauty — you can hear it in his music; I love his sense of humor, even when the jokes aren’t that funny; I love the fact that he values God’s opinion above anyone else’s; I love his sense of justice, and integrity...”

Категория эмотивности в данной логической операции реализуется с установкой на анализ собственных чувств с целью поделиться ими с близким человеком, при этом констатация собственного отношения к молодому человеку аргументирована. Эмоциональная насыщенность дискурса, характер доминирующих эмоций и способы их выражения выступают в качестве знака данного типа общения.

В отличие от установки *поделиться своими чувствами*, эмотивно-прагматическая установка *излить свои чувства* направлена непосредственно на адресата и задействует его эмоциональную сферу. Она характеризуется разнообразием эмотивно-оценочных знаков:

“I need to tell you something. It’s time for me to speak up, while you’re still here with me. I love you, Liz. I always have. I can’t imagine living without you. I love you with my whole heart. I love your very breath. I love you, and I wouldn’t hurt you for the world. Do you hear me? Do you understand? Please don’t treat me differently than you usually do.”

Адресант под влиянием аффекта пускается в длинную тираду, чтобы излить переполняющие его чувства, нанизывая все новые эмотивы друг на друга, не в состоянии остановиться. Структурная организация высказывания, эмотивная и экспрессивная лексика, различные стилистические приемы выступают в роли актуализатора переживаемой говорящим эмоции любви. Апелляция к эмоции осуществляется здесь через эксплицитное употребление имени эмоции: экспрессивные высказывания, в которых сема *love* повторяется четыре раза, несомненно, обладают большой эмотивной силой, а само речевое взаимодействие происходит с опорой на эмоциональные сферы партнеров.

Эффект усиления выразительности и выделения ключевого эмоционально-смыслового элемента в виде повтора фразы *I love you*, достигается в дискурсе, эксплицитно выражающем пропозицию *I love you*. Находясь в экзистенциальной ситуации любви, Ното Аманс проявляет дискурсивную инициативу, манифестируя собственные чувства и апеллируя к чувствам и эмоциям партнера. Представляется, что такие ситуации, в которых активно задействованы эмоции коммуникантов, являются коммуникативными эмотивами.

Дальнейшее исследование романтического дискурса показывает, что установка *излить чувства* реализуется аналогичными языковыми средствами, однако различными способами их презентации. Эмотивные блоки при реализации установки *излить чувства* в устном общении обычно содержат несколько предложений, в них нередко содержится личный комментарий, модальность таких высказываний — преимущественно субъективная эмотивная, закреплённая лексическими и грамматическими элементами используемых в речи предложений, их синтаксической семантикой и т.д. В высказываниях, актуализирующих данную установку, могут присутствовать особые сигналы в виде предваряющих эмотивные единицы типа *I need to talk to you; I need to tell you something; Please, listen to me, etc.*

В романтическом общении установка *излить чувства* реализуется, как правило, в коммуникативной ситуации признания в любви в форме монолога. Однако данная установка может отражать и негативное эмоциональное состояние адресанта. Сказанное относится к высказываниям, содержащим жалобы, вызванные такими эмоциями как грусть, отчаяние, беспокойство и др.:

“Look at me! My life is useless... no! I take that back! My life was needless! I wish I hadn't been born! Let God go play with someone else's life, and leave mine alone!” said Charlton in a loud voice, getting up from the table and going to the door.

Манифестация жалобы на неудачно складывающуюся жизнь содержит экспрессивное восклицание, вводящее тему высказывания, а следующие его части указывают на причину испытываемого чувства. Обращает на себя внимание трехкратное повторение в речи лексемы *life*, повторение отрицаний (*no, hadn't*), наличие определений, содержащих сему отрицания (*useless, needless*), а также восклицательных предложений, свидетельствующих об определенном эмоциональном состоянии говорящего, в которых эксплицируется эмоция недовольства собой. Адресант таким образом изливает душу, дает волю чувствам, направляя их на адресата, чтобы он «прочувствовал» его состояние; именно это заставляет говорящего задействовать широкий спектр эмотивных средств.

Помимо указанных выше эмотивно-прагматических установок участников романтического взаимодействия, можно выделить установку *демонстрации своих чувств*, которая релевантна для ряда коммуникативных ситуаций исследуемого типа общения. Наш анализ показывает, что данная установка реализуется в тех случаях, когда коммуниканты выражают чувства, эмоции, «публично показывая», то есть нарочито демонстрируя их:

He got to his feet. Helen realized that she'd gone too far. “Malise and I only want what's best for you,” she stammered.

“Sweet of you both!” said Rupert. “Have a nice meeting! It's high time you took up with Nige again. You two really suit each other!” And he was gone.

В эмотивно маркированном конфликтогенном фрагменте диалога представлены высказывания романтических партнеров, которые не находят взаимопонимания по одному из профессиональных вопросов. Из контекста ситуации можно заключить, что адресат испытывает чувство вины и растерянности: это манифестируется авторскими ремарками (*Helen realized that she'd gone too far*), а также фо-

национальным знаком *stammered*. Стимулом эмотивного высказывания говорящего является ревность, которая находит свое косвенное выражение в репликах-экспликативах *Sweet of you both, Have a nice meeting, You two really suit each other*. Его гневная реакция и негативная оценка поведения собеседницы вербализуется, как мы видим, внешне положительными и нейтральными высказываниями, однако приобретающими негативную коннотацию в конкретной ситуации. Иными словами, семантика эмотивного блока в целом и каждого предложения в отдельности не совпадает с семиотикой знаков: она меняется на знак минус, в чем проявляется амбивалентность эмотивного знака.

Иначе говоря, мотивом выбора слов, эксплицирующих эмоцию возмущения, является не денотат номинанта, а та эмоция, которая переживается говорящим в момент продуцирования высказывания.

Данный пример эмоционального общения романтических партнеров подтверждает справедливость мнения отечественных эмотиологов, считающих, что в эмоциональной коммуникации реализуются разные варианты вербализации эмоций коммуникантов. Во-первых, говорящий может «разрядить» целую обойму эмотивов, чтобы «выпустить эмоциональный пар»; во-вторых, он может не сразу найти нужное слово или может вообще не найти его, чтобы выразить те эмоции, которые он переживает в данный момент [Гак, 1996; Шаховский, 2008 и др.].

Резюмируя сказанное, укажем, что в процессе романтического общения говорящий, апеллируя к своим чувствам, реализует определенные эмотивно-прагматические установки. Эмотивные языковые средства, посредством которых эти установки эксплицируются/имплицируются, разнообразны и неодинаковы для участников взаимодействия, способы их презентации индивидуальны и зависят от множества факторов — условий протекания общения, эмоционального настроения интерактантов и т.д. Эксплицитная или имплицитная апелляция к эмоциям является мотивирующим фактором воздействия на партнера. Эмоции в романтическом общении носят личностный характер и реализуются в коммуникативных ситуациях комплексно. Невербальные компоненты также включаются в эмоциональный обмен и выработку новой «информации» о чувствах и эмоциях, реализуя свой эмотивный потенциал в ситуациях романтического взаимодействия. Коммуникативные ситуации, развертывающиеся в романтическом общении, являются в высшей степени эмоциогенными и могут рассматриваться как коммуникативные эмотивы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
- [2] *Винокур Т.Г.* Говорящий и слушающий / Вступ. ст. Л.П. Крысина. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007.
- [3] *Гак В.Г.* Синтаксис эмоций и оценок // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. In *Memoriam E.M. Вольф*. М., 1996. С. 20—31.
- [4] *Ионова С.В.* Эмотивность текстов вторичного воспроизведения // Язык и эмоции: номинативные и коммуникативные аспекты: сб. науч. тр. к юбилею В.И. Шаховского / отв. ред. С.В. Ионова. Волгоград: Волгоградское научное изд-во. 2009. С. 234—242.
- [5] *Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник* / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003.

- [6] *Мяжкова Е.Ю.* Эмоционально-чувственный компонент значения слова: вопросы теории: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: РАН, Ин-т языкознания, 2000.
- [7] *Ренц Т.Г.* Романтическое общение в коммуникативно-семиотическом аспекте: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011.
- [8] *Сидоров Е.В.* Онтология дискурса. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
- [9] Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская академия наук. Ин-т русского языка: Российский фонд культуры. М.: АЗЪ, 1993.
- [10] Толковый словарь русского языка (ТСРЯУ) / Д.Н. Ушакова. URL: <http://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 20.10.2014).
- [11] *Туранский И.И.* Средства интенсификации высказывания в английском языке. Куйбышев: Куйбышевский гос. пед. ин-т, 1987.
- [12] *Филимонова О.Е.* Категория эмотивности в английском тексте (когнитивный и коммуникативный аспекты): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб.: Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2001.
- [13] *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008.
- [14] Dijk van T.A. Politics, Ideology and Discourse // Encyclopedia of Language and Linguistics: Section Language and Politics. Elsevier: 2 Rev Ed, 2005.
- [15] *Ekman P., Friesen W.V.* Unmasking the face: a guide to recognizing emotions from facial clues. Malor Books, 2003.

REPRESENTATION OF EMOTIVITY IN EMOTIVE AND PRAGMATIC ATTITUDES OF PARTICIPANTS IN ROMANTIC COMMUNICATION

T.G. Rents

Linguistics Chair
Volzhsky Institute of Humanities
Volograd State University
40 let Pobedy str., 11, Volzhsky, Russia, 404133

The article deals with the problem of functioning of emotivity category in romantic communication. The author analyses illocutionary acts produced by the addresser and reveals verbal and non-verbal means that represent emotivity in them. Considerable attention is given to the explicit and implicit ways of expression of the category under consideration. It is proved that not only verbal and non-verbal means but also communicative situations can be emotive and are of emotiogenic character in romantic communication. The research material demonstrates that participants' emotions are realized as complexes and the explicit or implicit appeal to these emotions appears as a motivating factor affecting individuals.

Key words: emotivity, romantic discourse, illocutionary acts with emotive components, emotive, explicitness, implicitness, non-verbal communication.

REFERENCES

- [1] *Wierzbicka A.* Язык. Культура. Познание [Language. Culture. Cognition] М.: Русские словари. 1996.
- [2] *Vinokur T.G.* Govorjashhij i slushajushhij / Vstup. cl. L.P. Kryšina. Izd. 3-e. М.: Izdatel'stvo LKI, 2007.

- [3] *Gak V.G.* Syntaxis emotsii i otsenok//Funksionalnaya stylistika: otsenka, expressivnost', modalnost' [Syntax of emotions and evaluations // Functional stylistics: evaluation, expressivity, modality]. In *Memoriam E.M. Volf*. M., 1996. S. 20—31.
- [4] *Ionova S.V.* Emotivnost' textov vtorichnogovosproizvedeniya // Yazik i emotsii: nominativnie i kommunikativnie aspekty [Emotivity of Secondary Reproduction Texts // Language and Emotions]: sb. nauch. tr. k ubileyu V.I. Shakhovskogo / otv. red. S.V. Ionova. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izd-vo. 2009. S. 234—242.
- [5] *Kultura Russkoi rechi* [Russian Speech Culture]: entsiklopedicheskii slovar-sparavochnik / pod red. L.Yu. Ivanova, A.P. Skovorodnikova, E.N. Shiriyayev. M.: Flimta: Nayka, 2003.
- [6] *Mjagkova E.Ju.* Jemocional'no-chuvstvennyj komponent znachenija slova: voprosy teorii: avtor-ref. dis. ... d-ra filol. nauk. M.: RAN, In-t jazykoznanija, 2000.
- [7] *Rents T.G.* Romanticheskoe obshenie v kommunikativno-semioticheskom aspekte [Romantic Communication: communication and semiotic aspect]. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2011.
- [8] *Sidorov E.V.* Ontologiya diskursa. [Discourse Ontology]. 2-e izd. M.: Knijnii dom «LIBROKON», 2009.
- [9] *Tolkovii slovar Russkogo Yazika* [Russian Language Dictionary] / S.I. Ojegov, N.Yu. Shvedov; Russkaya Akademia Nauk. Ins-t Russkogo Yazika: Rossiyskii fond kul'turi. M.: AZ, 1993.
- [10] *Tolkovii slovar Russkogo Yazika* [Russian Language Dictionary] D.N. Ushakova. URL: <http://ushakovdictionary.ru>
- [11] *Turanskii I.I.* Sredstva intensivatsii viskazivania v angliiskom yaziki [Means of intensification of the utterance in English]. Kuibishev: Kuibishevskii ped. un-t, 1987.
- [12] *Filimonova O.E.* Kategorija emotivnosti v angliiskom tekste (kognitivnii i kommunikativnii aspekty) [Category of Emotivity in English text: cognitive and communicative aspects]: avtor-ref. dr. filol. nauk. SPb.: Rossiyskii gos. ped. ins-t. imeni Gertsena, 2001.
- [13] *Shakhovskii V.I.* Lingvisticheskaya teoriya emotsii [Linguistic Theory of Emotions]: monografiya. M.: Gnosis, 2008.
- [14] *Dijk van T.A.* Politics, Ideology and Discourse // Encyclopedia of Language and Linguistics: Section Language and Politics. Elsevier: 2 Rev Ed, 2005.
- [15] *Ekman P., Friesen W.V.* Unmasking the face: a guide to recognizing emotions from facial clues. Malor Books, 2003.